

Ольга Старовойтова

Под сводами

Ольга Старовойтова

Под сводами

«Автор»

2026

Старовойтова О.

Под сводами / О. Старовойтова — «Автор», 2026

В самом сердце Петербурга, в квартире номер сорок пять, жизнь течёт по своим законам. Здесь пахнет яблочным пирогом, сушёными травами и детским смехом. Молодая семья Кати и Игоря только привыкает к роли родителей, а три бабушки — Аглая, Серафима и Эльвира — помогают им освоиться в новом мире пелёнок и бессонных ночей. Но однажды рутина сменяется тайной. На пыльном чердаке старого книжного магазина Катя находит дневник легендарного букиниста и карту города с загадочными пометками. Так герои узнают о существовании Тайного общества «Мнемозина», веками хранившего бесценную библиотеку, и о том, что теперь они — единственные наследники этой борьбы. За древними фолиантами, хранящими опасные знания, начинается безжалостная охота. Охотники не остановятся ни перед чем, чтобы завладеть легендарным «Кодексом Фундаменталис» — ключом к абсолютной власти. Героям предстоит не только спасти уникальное наследие от безжалостного врага, но и защитить самое дорогое, что у них есть, — свою семью.

© Старовойтова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новая гравитация	5
Глава 2. Тень за стеллажом	7
Глава 3. Зелёная тетрадь и три чашки чая	9
Глава 4. Эхо в колодце	11
Глава 5. Своды	13
Глава 6. Общество "Мнемозина"	16
Глава 7. Архивная пыль и запах ванили	17
Глава 8. Наследство Пал Палыча	19
Глава 9. Сапёрный переулок и три чашки чая	21
Глава 10. Код от вечности	23
Глава 11. Квартира-мавзолей	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Под сводами

Глава 1. Новая гравитация

Петербург в июне пах мокрым асфальтом, отцветающей сиренью из дворика-колодца и тем особенным, ни с чем не сравнимым ароматом тополиного пуха, который забивается в нос и скрипит на зубах. Этот запах был повсюду: он лежал тонким слоем на широких подоконниках квартиры номер сорок пять, витал в воздухе книжного магазина «Слово», где Катя ещё недавно была управляющей, и сейчас медленно оседал на светлых волосах спящего у неё на руках комочка по имени Арсений.

Мир Кати сузился до размеров этого пушистого свёртка. Он пах сладким молоком и чем-то неуловимо-нежным, что принято называть «запахом младенца». Её жизнь теперь измерялась не часами или днями недели, а циклами кормления и сна маленького человека. Вот и сейчас Арсений только что поел и задремал, причмокивая во сне. Катя стояла у окна гостиной в квартире на втором этаже и смотрела вниз, во двор-колодец.

Там, на улице, Серафима Павловна кормила голубей, рассыпая крошки. Птицы суетливой серой массой копошились у её ног, а она что-то тихонько им приговаривала своим мягким, певучим голосом.

Это был их новый, странный, но удивительно гармоничный быт. Днём Катя и малыш, пока Игорь был на работе, — находились в квартире номер сорок пять. У Арсения тут был личный уголок с кроватью и персональные 3 ангела, с радостью готовые помочь молодой маме. Здесь всегда пахло свежей выпечкой и сушёными травами, царил идеальный порядок и стояла идеальная для младенца тишина. Серафима Павловна вязала крошечные носочки со скоростью света, Аглая Эдуардовна, укачивая малыша под Шопена, рассказывала ему о красоте мира, а Эльвира Генриховна пела ему французские колыбельные. Также Катя сама чувствовала себя увереннее в обществе милых дам, которых с нежностью называла мысленно бабушками.

А вечером, когда Арсению пора было купаться и крепко засыпать в своей новой кровати (подарок от всех трёх бабушек), молодая семья уходила к себе наверх. В свою квартиру. В своё гнездышко. Там они могли просто молча сидеть на кухне, пить остывший чай и смотреть друг на друга с безграничной любовью и немым вопросом в глазах: «Это всё правда? Это наш сын?» А потом тишину разрывал требовательный плач из радионяни, и они, смеясь и толкаясь в дверях, бежали в детскую.

Жизнь перестраивалась под нужды младенца с пугающей и одновременно прекрасной скоростью. Паника первых бессонных ночей сменялась какой-то звериной интуицией: Катя научилась различать оттенки плача Арсения. «Я хочу есть» звучало совершенно иначе, чем «мне мокро» или «просто обнимите меня».

Бабушки были их главной опорой и главным источником паники одновременно.

— Ты что делаешь?! — шипела Аглая Эдуардовна, видя, как Катя пытается надеть на сына современный боди на липучках. — Немедленно возьми пеленку! Настоящего ребёнка нужно пеленать! Туго! Чтобы ножки были ровные!

— Аглая, прервати! — вступалась Серафима Павловна, протягивая Кате тарелку с тёплым супом. — Ребёнку нужна свобода движений. И вообще, пора вводить прикорм. Яблочное пюре с трёх недель — это то, что нужно для крепкого желудка!

— В блокаду мы мечтали о яблочном пюре... — тихо вздыхала Эльвира Генриховна, качая головой. Она редко вмешивалась в споры о методах воспитания. Она просто смотрела на Арсения и гладила его по щёчке слегка дрожащей рукой.

Именно Эльвира Генриховна однажды вечером рассказала Кате то, что объяснило всё. Они сидели на кухне вдвоём, пока Игорь гулял с коляской во дворе.

— Знаешь, Катенька... — начала она, помешивая ложечкой чай. — Мы для вас не просто бабушки. Мы... мы никогда не были молодыми матерями. Голод в блокаду... он сделал своё чёрное дело. Организм так и не восстановился до конца. У нас не могло быть детей.

Она посмотрела на Катю влажными глазами.

— Поэтому вы для нас... и дети, и внуки сразу. Особенно этот маленький принц. Он вернул нам то счастье, которого нас лишили.

Катя тогда расплакалась и обняла её. В этот момент она поняла всё: и эту безграничную заботу, и эту суету, и желание сделать всё «правильно». Арсений стал для них искуплением и даром.

А сама Катя теперь видела мир другими глазами. Вернувшись в книжный магазин «Слово» на полставки, она часами стояла у стеллажа с детской литературой. Книжки с картонными страницами про котёнка Гав или стихи Маршака больше не были просто товаром. Она трогала корешки книг и думала: «Вот эту мы прочитаем ему через год... А эту — когда научится сидеть... А эту... эту я куплю ему на первый день рождения».

Мир обрёл новую гравитацию. И центром этой маленькой вселенной был спящий у неё на руках человек.

Глава 2. Тень за стеллажом

Возвращение Кати в «Слово» было похоже на погружение в теплую ванну после долгого дня. Запах старой бумаги, клея для корешков и едва уловимой нотки ванили от кофемашины у входа окутал её, как только она переступила порог. Магазин встретил её знакомым уютным гулом: тихий шелест страниц, шаги покупателей по скрипучему паркету и бормотание Миши, стажера, который вечно путал Достоевского с Драйзером.

— Екатерина Андреевна! — Миша выглянул из-за стеллажа классической прозы, держа в руках стопку книг. — Я тут разбирал новые поступления... то есть пытался. И нашёл коробку на чердаке. Директор сказал выбросить, но там столько пыли!

Катя улыбнулась. Миша был замечательным парнем, увлечённым современной фантастикой, но понятия не имел, как обращаться со старыми изданиями. Для него все книги делились на две категории: «прочитал в цифре» и «надо бы почитать».

— Миш, оставь пока, — мягко сказала она, принимая у него стопку книг и ставя их на тележку для расстановки. — Если там что-то ценное, оно никуда не убежит до завтра. Сейчас мы закрываемся через пятнадцать минут.

Она бросила последний взгляд на улицу сквозь витринное стекло. Звякнул колокольчик на входной двери — ушёл последний покупатель. Катя сняла с вешалки свой льняной пиджак, выключила свет в торговом зале и направилась в подсобку проверить кассу. Проходя мимо того самого стеллажа, у которого возился Миша, она заметила приоткрытую дверь в крошечную каморку, которую они гордо называли «архивом».

Любопытство победило усталость рабочего дня. Катя щелкнула выключателем. Желтоватый свет одинокой лампочки без абажура осветил небольшую комнату. На полу, прямо посередине, стояла большая картонная коробка, перевязанная выцветшим шпагатом. Судя по слою пыли на ней, её не открывали лет пятьдесят, не меньше.

Миша явно пытался заглянуть внутрь, но то ли побоялся испачкаться, то ли просто поленился доделать начатое.

Катя присела на корточки. Шпагат рассыпался в руках от одного прикосновения. Она осторожно приподняла крышку. Внутри, укутанные в пожелтевшие газеты, лежали вещи. Не книги. Небольшой кожаный бьювар, потрескавшийся от времени. Стопка писем, перевязанная атласной лентой. И сверху — толстый, разбухший от влажности дневник в коленкоровом переплёте.

Катя аккуратно, двумя пальцами, взяла дневник. Обложка была тёмно-зелёной, почти чёрной. Золотое тиснение инициалов А.Р. почти стёрлось, но всё ещё читалось в полумраке комнаты.

Сердце Кати пропустило удар. Андрей Романов? Так звали первого владельца их книжного магазина, легендарного букиниста, пропавшего без вести в конце двадцатых годов. О нём ходили слухи, что он спрятал свою бесценную коллекцию редких изданий, спасая её от конфискации.

Это была не просто пыльная находка. Это был знак.

Она бережно прижала дневник к груди так же, как час назад прижимала спящего Арсения, когда передавала его Игорю перед сменой. Она не стала открывать его тут же, в пыльном архиве. Вместо этого она завернула находку в чистый шарф, который всегда носила с собой на случай сквозняков, и положила в сумку.

Выключив свет и заперев магазин, Катя вышла на улицу. Город дышал прохладой после дождя. Она шла медленно, сжимая ручку сумки, чувствуя, как внутри неё лежит не просто старая тетрадь, а ключ к какой-то невероятной тайне.

Поднимаясь по лестнице своего парадного, она уже знала, кому первой покажет эту находку. Не Игорю. Им. Своим трём хранительницам, которые уже ждали её с ужином и новостями о том, сколько граммов прибавил сегодня их маленький принц.

Глава 3. Зелёная тетрадь и три чашки чая

Вернувшись в квартиру сорок пять, Катя не стала сразу рассказывать о своей находке. Она прошла в детскую, чтобы убедиться, что Арсений спит, а затем присоединилась к вечернему ритуалу — чаепитию с бабушками.

В гостиной царил уютный полумрак, разгоняемый лишь светом торшера да мерцанием проектора звёздного неба на потолке детской (откуда доносилось мирное посапывание малыша).

— Ну, как твой день? Устала? — заботливо спросила Аглая Эдуардовна, отставляя в сторону пяльцы с вышивкой.

— Мишка опять всё перепутал, — пожаловалась Катя, присаживаясь за стол. — Поставил сборник стихов Серебряного века в раздел «Кулинария».

Эльвира Генриховна хихикнула:

— Представляю себе рецепт: «Взять томик Блока, добавить щепотку Есенина и запивать чаем из самовара»!

Катя улыбнулась шутке, но её взгляд был немного рассеянным. Она поставила сумку рядом со своим стулом. Тяжесть зелёной тетради внутри словно пульсировала, требуя внимания.

— Дорогие мои... У меня кое-что есть, — тихо сказала она, доставая свёрток.

Когда она положила разбухший от времени дневник на кружевную скатерть, в комнате повисла такая звенящая тишина, что было слышно даже тиканье старинных напольных часов в коридоре.

Аглая Эдуардовна медленно сняла очки для чтения и поверх них внимательно посмотрела на Катю.

— Екатерина Андреевна, ты меня интригуешь. Рассказывай.

Катя рассказала им всё: про пыльную коробку на чердаке, рассыпавшийся шпагат и инициалы А.Р. на обложке.

— Андрей Романов... — прошептала Серафима Павловна, протягивая руку к обложке, но не касаясь её. — Тот самый первый владелец нашего книжного? Легендарный букинист?

— Именно он, — кивнула Катя. — Говорят, его коллекция бесследно исчезла перед самой революцией.

Эльвира Генриховна уже тянулась к тетради, её глаза горели азартом исследователя.

— Так чего же мы ждём?! Давайте откроем! Я просто умираю от любопытства!

Но Аглая Эдуардовна остановила её властным жестом.

— Подожди, Эльвира. Катенька ведь не открывала его? Страницы наверняка слиплись намертво. Если мы применим силу, они просто рассыплются в прах.

Она задумчиво постучала пальцем по подбородку.

— Нам нужен тонкий, абсолютно тупой инструмент. И терпение. Много терпения.

— У меня есть! — воскликнула Эльвира Генриховна и с несвойственной её возрасту прытью умчалась в свою комнату. Через минуту она вернулась с изящным костяным ножиком для бумаг из слоновой кости. — Вот! Это моего покойного мужа. Он им конверты вскрывал.

Аглая Эдуардовна взяла ножик с благоговением.

— Идеально.

Серафима Павловна тем временем суежилась у стола.

— Так, девочки! Раз уж у нас такое событие, будем пить чай! У меня как раз есть свежий смородиновый лист и мята. И я испекла пирог специально к этому случаю!

Через пять минут на столе стоял дымящийся чайник, четыре чашки и блюдо с румяным пирогом. Но к еде никто не притронулся. Все взгляды были прикованы к рукам Аглаи Эдуардовны.

Она начала работу. Это был медленный, почти медитативный процесс. Она макала самый кончик ножа в остывший чай и затем, затаив дыхание, просовывала его в миллиметровый зазор между первой и второй страницами блокнота.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Никто не произносил ни слова. Было слышно лишь тихое сопение Серафимы Павловны да едва уловимый скрип ножа о бумагу.

Наконец, раздался тихий, едва слышный щелчок.

— Есть... — выдохнула Аглая Эдуардовна.

Она проделала то же самое со следующей страницей. И ещё раз. И ещё.

Прошло около часа. В комнате стало темнее — солнце скрылось за крышами соседних домов. Но никто не пошевелился, чтобы включить свет.

Аглая Эдуардовна закончила. Она осторожно приподняла верхнюю страницу кончиком ножа и перевернула её. Все четыре головы склонились ещё ниже.

Под светом лампы на странице каллиграфическим почерком было выведено:

«Летопись моей жизни и моей библиотеки».

Ниже шли даты и аккуратные столбцы названий книг: «Брокгауз и Ефрон, том V», «Собрание сочинений графа Толстого Л.Н., 1903 г.», «Курс чистой математики».

Это был каталог. Просто сухой перечень книг и дат их приобретения.

Серафима Павловна разочарованно вздохнула:

— И это всё? Просто список?

Эльвира Генриховна уже нетерпеливо переворачивала страницы.

— Подождите-подождите! Дайте-ка я гляну! Ага! А что это у нас тут?

Она ловко пролистала несколько уже разделённых страниц и остановилась на развороте ближе к середине блокнота. Там было пусто. Но когда она провела пальцем по корешку страниц внутри тетради, оттуда что-то выпало и со стуком упало на блюдце с недопитым чаем Серафимы Павловны.

Это был сложенный вчетверо лист плотной бумаги.

Эльвира Генриховна аккуратно расправила его на столе пинцетом для бровей, который всегда носила с собой. Это была карта старого Петербурга. Линии каналов были прорисованы тушью с невероятной точностью, а улицы петляли так знакомо и одновременно странно...

В некоторых местах карты стояли красные крестики и только один в нижнем левом углу был жирно обведен несколько раз. А рядом с ним аккуратным почерком было написано всего два слова:

«Под сводами».

Глава 4. Эхо в колодце

Красный крестик на карте пульсировал, словно живой. Он был поставлен в месте, где сходились два канала и узкий, извилистый проулок, который на современных картах выглядел иначе — его часть была застроена ещё в начале прошлого века, превратив проход в глухой тупик.

— «Под сводами», — медленно прочитала Серафима Павловна вслух и тут же всплеснула руками. — Так это ж у нас! Это же наш дом!

Двор был типичным для старого Петербурга: глухие кирпичные стены, уходящие ввысь, арка-проезд, ведущая на улицу, и гулкое эхо, которое подхватывало каждый звук — будь то стук каблуков, детский смех или ворчание мотора старого «Москвича» соседа дяди Вити.

— Точно-точно! — подхватила Эльвира Генриховна, её глаза горели исследовательским азартом. Она ткнула пальцем в карту, а затем в виднеющуюся из окна тёмную арку-проход. — Помните, мы с вами, Симочка, всё гадали, почему потолки в подвале такие высокие и странные? А я вам говорила! Говорила, что это не просто так! Это бывшие склады купца Елисеева! Вот они, своды!

Она была права. Подвалы их дома, как и многих других доходных домов в центре Петербурга, когда-то служили не просто местом для хранения дров и картошки. В конце XIX века здесь располагались оптовые склады колониальных товаров: мешки с кофе из Бразилии, ящики с чаем из Китая, бочки с вином. Высокие полукруглые своды были спроектированы так, чтобы поддерживать перекрытия и сохранять прохладу.

Аглая Эдуардовна, отложив дневник и сняв очки, протёрла их шёлковым платком. Она всегда подходила к делу основательно, её ум бывшего стратега уже просчитывал возможные варианты.

— Эльвира Генриховна, голубушка, умерьте свой пыл. Во-первых, это лишь предположение. Во-вторых, даже если Андрей Романович действительно спрятал свою коллекцию в нашем доме, получить доступ к подвалу будет непросто. Ключи находятся у управдома Фёдора Никитича, а вы знаете его характер. Без официального запроса он и чихнуть никому не даст.

Катя слушала их вполуха. Мысль уже завертелась. Книжный магазин «Слово»... Сокровище... Тайна. Это же готовое приключение. Тихое, интеллигентное приключение для четырёх женщин (и Игоря, конечно), которое могло бы немного разбавить рутину пелёнок и молочных смесей.

Игорь сегодня задерживался на работе. Арсений спал в своей кроватке под проектором со звёздами. У неё было время.

— Милые мои, — тихо сказала Катя, и её голос прозвучал с непривычной для неё твёрдостью. — Я попробую решить вопрос с Фёдором Никитичем по-своему. У меня есть идея.

План был прост и изящен в своей домашней хитрости. Он не требовал взлома или обмана. Он требовал лишь одного — искреннего уважения.

На следующий день Катя испекла пирог. Не просто пирог, а настоящий шедевр по рецепту Серафимы Павловны: с капустой и яйцом, румяный, блестящий от масла. Пока он остывал на подоконнике, распространяя по кухне умопомрачительный аромат домашней выпечки, она сварила крепкий, густой чай с чабрецом — именно такой, какой любил Фёдор Никитич.

Взяв пирог и термос с чаем, Катя спустилась на цокольный этаж. Она постучала в обитую дерматином дверь каморки управдома не как просительница, а как соседка.

Дверь открылась не сразу. Фёдор Никитич хмуро глянул на неё из-под кустистых бровей.

— Ну?

Катя улыбнулась самой тёплой и открытой улыбкой:

— Фёдор Никитич, добрый день! Я вам тут покушать принесла. Вы же, небось, опять на сухомятке сидите?

Она протянула ему свёрток. Аромат свежей выпечки сделал то, что не смогли бы сделать никакие уговоры. Хмурое лицо управдома дрогнуло.

— С капустой? — недоверчиво спросил он.

— С капустой и яйцом. И чай вот... Осторожно, горячий.

Фёдор Никитич посторонился:

— Ну, проходи... раз пришла.

Катя поставила термос и тарелку с пирогом на стол. Комната наполнилась уютным домашним запахом.

— Фёдор Никитич... — начала она, разливая чай. — Я хочу вас просто поблагодарить. За всё. За то, что лампочки в подъезде всегда горят, за то, что крышу нам чинили прошлой осенью... Вы ведь душа этого дома.

Управдом крикнул от неожиданности и откусил большой кусок пирога. Он явно не привык к таким речам.

— Да ладно... Работа у меня такая.

— Нет-нет, — мягко настаивала Катя. — Это не просто работа. Это призвание. Вы хранитель нашего дома. И я подумала... У нас ведь в подвале такие своды красивые! Настоящая история! А что если... что если мы устроим там небольшую экскурсию? Для Арсения? Когда он чуть подрастёт? Чтобы он знал историю своего дома не из книжек? Я бы попросила Серафиму Павловну рассказать ему про купца Елисеева...

Фёдор Никитич перестал жевать. Он посмотрел на Катю поверх чашки с чаем совершенно другими глазами. В них больше не было привычного раздражения или подозрительности. В них было удивление и... смущение?

— Экскурсию... — протянул он. — В подвал?

— Да! — Катя воодушевилась. — Вы бы нам всё показали! Как хранитель! А я бы потом статью написала для нашей стенгазеты в подъезде: «Наш Фёдор Никитич — главный экскурсовод дома номер 15». Представляете?

Фёдор Никитич задумчиво дожевывал пирог.

— Хм... Статью, говоришь?

Он встал, подошёл к старому комоду и зазвенел связкой ключей.

— Ну... раз уж такое дело... Пирог у тебя знатный вышел. Давай-ка я тебе прямо сейчас покажу эти самые своды. А то потом забуду или некогда будет.

Катя шла за ним по гулкому коридору подвала и улыбалась про себя. Она не обманула его ни единым словом. Всё было чистой правдой: и благодарность её была искренней, и желание показать сыну историю дома — настоящим. Просто она знала маленький секрет: самый верный путь к сердцу человека лежит не через хитрость, а через доброту и уважение.

Фёдор Никитич открыл тяжёлую дверь в техническое помещение и с неожиданной гордостью включил свет.

— Вот они! Видишь? Кирпич-то какой! Царский! А свод какой держит! Сто лет простоит и ещё двести!

Он говорил о прочности перекрытий, а Катя смотрела на земляной пол у правой стены. Где-то там, под слоем пыли и песка, спал деревянный ящик с инициалами А.Р. Их тайна, пока, была в безопасности.

Глава 5. Своды

Ночь в Петербурге в июне — это не темнота, а лишь густая, жемчужно-серая дымка. Белая ночь висела за окном, размывая границы между сном и явью, и в квартире номер сорок пять никто не спал.

Арсений, сытый и довольный после вечернего купания, спал в своей кроватке под прожектором со звёздами. Его ровное дыхание было единственным звуком, нарушавшим звенящую тишину ожидания. Катя сидела на кухне, глядя на тёмный экран телефона. Игорь нервно ходил из угла в угол гостиной.

— Половина второго, — прошептала Катя. — Они должны были подъехать десять минут назад.

— Пробки, — так же тихо ответил Игорь, останавливаясь у окна. — Это же центр. Будут с минуты на минуту.

В этот момент во дворе послышался глухой рокот мотора и шорох шин по асфальту. Фургон с логотипом строительной фирмы бесшумно припарковался за углом, как и было условлено — подальше от окон Фёдора Никитича.

Игорь накинул куртку и быстро спустился во двор. Катя осталась наверху, у окна кухни, сжимая в руках телефон как спасательный круг.

Операция началась. Водитель фургона и его напарник — молчаливый парень лет тридцати — быстро выгрузили тяжёлые ящики прямо на тротуар у арки, ведущей во двор.

— В подвал? — коротко спросил водитель.

— Да, но... — Игорь замялся. — Там дверь заперта.

— Ключи у кого? У управдома?

— Да.

— Ну, так иди за ключами. Мы ждать не будем. У нас ещё заказ на другом конце города.

Игорь чертыхнулся про себя. План рушился на глазах. Он не мог просто так постучать к Фёдору Никитичу в час ночи и сказать: «Откройте подвал, мы тут оборудование для тайной операции занести хотим».

Он набрал номер Кати.

— Катюш... У нас проблема. Фёдор Никитич заперся у себя. Я не могу к нему постучать сейчас.

Катя на секунду задумалась. Она посмотрела на спящего сына, затем перевела взгляд на часы.

— Я попробую что-то сделать. Жди.

Она тихонько вышла из квартиры и спустилась на один пролёт вниз, к двери каморки управдома. Она не стала стучать громко. Вместо этого она легонько поскребла ногтями по дерматиновой обивке.

Тишина.

Она подождала минуту и повторила. За дверью послышалось шарканье тапочек и недовольное ворчание. Щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась на длину цепочки. В щели блеснул заспанный глаз Фёдора Никитича.

— Чего надо? Время видела?

— Фёдор Никитич... простите ради бога... У нас авария! Труба в подвале! Я слышу шум воды! Игорь говорит, там сейчас всё затопит!

Управдом мгновенно проснулся. Шум воды он ненавидел больше всего на свете после шума от соседей сверху.

— Какая труба?! Где?!

— В дальнем углу! Под сводами! Мы с Игорем сами глянем! Только ключи дайте!
Фёдор Никитич секунду смотрел на неё, оценивая правдивость слов, затем захлопнул дверь, чтобы снять цепочку.

— От беда-то... А чего ночью-то прорвало? Ладно, идём!

Он вышел из каморки в старом тренировочном костюме, на ходу надевая очки. В руках у него была огромная связка ключей.

— Где твой Игорь?

— Там! У арки!

Они вышли во двор. Фёдор Никитич увидел Игоря с ящиком в руках и двух незнакомцев у фургона.

— Это что за люди? — мгновенно насторожился он.

— Это... это аварийная служба! — нашлась Катя. — Спецы по фундаментам! Я их вызвала! Сказали, что могут помочь!

Фёдор Никитич хмыкнул, но спорить не стал. Его больше волновала гипотетическая протечка.

— Ну-ну... Пошли быстрее.

Он открыл тяжёлую дверь подвала и включил тусклый свет на лестнице. Они спустились вниз: впереди Фёдор Никитич с фонарём, за ним Игорь с ящиком, а следом Катя и двое «спецов» с остальным грузом.

Управдом подвёл всех к нужному углу у правой стены.

— Ну? Где тут у вас течёт? Что-то не слышать ничего...

Игорь поставил ящик на землю.

— Сейчас... Мы тут аппаратуру поставим для диагностики сводов... Чтоб фундамент не поплыл...

«Спецы» уже вскрывали упаковку. Фёдор Никитич светил им фонарём, подозрительно шурясь.

— Какая ещё диагностика? Что вы тут затеяли?

Катя подошла к нему и доверительно взяла под локоть.

— Фёдор Никитич... Вы же хранитель дома. Вы же сами говорили, что своды — это сердце здания. Мы просто хотим убедиться, что с ними всё в порядке. Чтобы вам потом меньше работы было.

Это был правильный аргумент. Фёдор Никитич немного смягчился и снова навёл луч фонаря на стену подвала.

— Ну... ладно... Только быстро мне тут!

Работа закипела. В течение получаса в углу подвала выросла герметичная палатка с системой климат-контроля. Всё это время Фёдор Никитич стоял рядом, светил фонарём и задавал вопросы про «диагностику», на которые Игорь отвечал невпопад техническими терминами вроде «термогигрометрии» и «мониторинга несущих конструкций».

Когда всё было готово, «спецам» заплатили (Игорь незаметно сунул им конверт), и они так же бесшумно исчезли в белой ночи.

Фёдор Никитич подошёл к палатке и положил тяжёлую руку на её стенку. Он посмотрел на Игоря, потом на Катю.

— Ну? И что теперь?

Игорь молча расстегнул молнию на входе в палатку и посветил внутрь фонариком телефона. Луч света выхватил из темноты деревянный ящик.

Фёдор Никитич заглянул внутрь одним глазом. Он увидел книги. Он всё понял. Он посмотрел на Катю долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах не было удивления или гнева. В них было лишь спокойное осознание: вот оно что.

Он ничего не сказал. Он просто медленно застегнул молнию обратно. Затем он развернулся и пошёл к выходу из подвала, тяжело ступая по земляному полу.

У лестницы он остановился и обернулся. Его фигура в тусклом свете казалась монументальной.

— Я так понимаю, это дело серьёзное... И спешки не терпит... Я подумаю, как нам быть дальше. А ты... ты молодец, что про трубу придумала.

Он поднялся по лестнице и вышел из подвала, оставив Катю и Игоря одних в гулкой тишине среди древних сводов.

Они переглянулись. План сработал даже лучше, чем они ожидали. Они не просто получили доступ к подвалу. Они получили молчаливое одобрение его хранителя.

Но главное открытие ждало их внутри. Когда Игорь вошёл в палатку и открыл крышку ящика, он достал первую книгу — том «Брокгауза и Ефрона». Между страницами лежал тонкий листок бумаги. Это была не просто закладка. Это было приглашение.

На плотной гербовой бумаге каллиграфическим почерком было выведено:

«Сим удостоверяется, что предъявитель сего является действительным членом Общества Любителей Литературы „Мнемозина“. Андрей Романов, Председатель».

А ниже стояла витиеватая печать с изображением раскрытой книги и женского профиля — богини памяти Мнемозины.

Они нашли не просто библиотеку. Они нашли следы тайного общества.

Глава 6. Общество "Мнемозина"

Вернувшись в квартиру, они не стали будить Арсения, который спал в своей кроватке под мирное гудение проектора. Вместо этого все пятеро — Катя, Игорь и дамы — собрались за круглым столом в гостиной. Приглашение из тайника было положено в прозрачный файл, словно это был самый хрупкий и драгоценный экспонат.

— «Мнемозина»... — медленно, словно пробуя слово на вкус, произнесла Аглая Эдуардовна. Она сняла очки и задумчиво смотрела на витиеватую печать. — Богиня памяти. Весьма символично.

— И что это нам даёт? — Игорь подался вперёд, упираясь локтями в колени. — Кроме того, что Андрей Романов был не просто букинистом, а главой какого-то клуба?

— Это даёт нам контекст, мой дорогой, — мягко возразила Аглая Эдуардовна. — Это объясняет всё. Масштаб его коллекции, секретность... Он не просто прятал книги от новой власти. Он сохранял наследие для своего круга. Для «Мнемозины».

— А я вот что нашла! — воскликнула Эльвира Генриховна, которая в это время листала дневник Романова, найденный Катей в магазине. Она ткнула пальцем в одну из страниц. — Смотрите! На полях! Тот же вензель!

Игорь взял дневник. Рядом с обычной записью о покупке редкого издания словаря Даля действительно был нарисован крошечный, едва заметный символ: раскрытая книга, из которой, словно дымок, поднимались очертания женского лица.

— Они помечали свои книги, — прошептала Катя. — Как печать качества. Или как тайный знак.

— Но кто они? — спросила Серафима Павловна. В её голосе звучала тревога. — И почему это было тайной? В этом нет ничего... предвещательного.

— В 1917-м году любое собрание, не санкционированное партией, считалось предвещательным, Симочка, — вздохнула Аглая Эдуардовна. — Интеллигенция, собиравшаяся для чтения запрещённой философии или поэзии Серебряного века, могла легко получить ярлык контрреволюционеров. Тайное общество было единственным способом выжить.

Катя взяла в руки приглашение.

— «Действительный член»... Значит, были и другие.

— И мы должны их найти? — с азартом спросила Эльвира Генриховна.

— Не найти, — поправила её Аглая Эдуардовна. — Вспомнить. Если это общество было действительно влиятельным в начале века, его следы должны остаться в истории культуры. Не как «Мнемозина», а под другими именами.

Она встала и подошла к своему секретеру из красного дерева.

— У меня есть старый друг, Георгий Карлович. Он был главным хранителем архива при Академии наук. Если кто-то и знает о тайных кружках того времени, то это он. Я нанесу ему визит.

В этот момент из детской донеслось тихое ворчание. Арсений просыпался.

— Кажется, наш маленький исследователь требует внимания к более насущным делам, — с улыбкой сказала Серафима Павловна и поспешила в детскую.

Оставшись наедине с Игорем, Катя положила голову ему на плечо.

— Мы нашли не просто книги. Мы нашли целую историю.

— Историю людей, которые любили слово настолько, что были готовы ради него рисковать всем, — кивнул Игорь. — И теперь мы её продолжатели.

Глава 7. Архивная пыль и запах ванили

Георгий Карлович, старый друг Аглаи Эдуардовны, оказался настоящим драконом, стерегущим покой пожелтевших бумаг. Его кабинет в недрах Академии наук был похож на келью алхимика: высокие, до потолка, стеллажи из тёмного дерева, доверху забитые папками, и единственный стол у окна, заваленный стопками документов. Воздух здесь был плотным, неподвижным и пах сухой пылью, старой кожей и почему-то ванилью — странный, уютный запах для места, где история замерла в ожидании.

Разговор с ним занял у Аглаи Эдуардовны всё утро. Георгий Карлович не любил спешки. Он не давал прямых ответов. Он лишь кивал, поправлял на носу очки в тяжёлой роговой оправе и бормотал что-то себе под нос, перебирая карточки в огромном картотечном ящике.

— «Мнемозина», говорите... — протянул он, наконец, не поднимая глаз. — Прямых упоминаний нет. Они были умны, эти люди. Слишком умны, чтобы оставлять следы. Но... — он сделал многозначительную паузу. — В 1916 году в отчётах Охранного отделения мелькает некий «Кружок любителей изящной словесности» на Фонтанке. Место встреч — квартира над букинистической лавкой. Лавка принадлежала некоему Андрею Романову.

Аглая Эдуардовна чуть не выронила свою сумочку.

— Это он! Это наш Андрей Романов!

Георгий Карлович пожевал губами.

— Возможно. А возможно, и нет. Но вот что интересно... В отчёте агент пишет о «регулярных сборищах для чтения стихов и философских трактатов». А в конце приписано: «Субъекты подозрительно часто используют слово "память" в метафорическом ключе».

Это было всё. Больше из старика вытянуть не удалось. Но этого было достаточно.

Вернувшись домой, Аглая Эдуардовна собрала военный совет в гостиной квартиры номер сорок пять.

— Фонтанка! — объявила она с порога, снимая шляпку с вуалью. — Нам нужно найти тот самый дом.

Задача казалась невыполнимой. За сто лет город изменился до неузнаваемости. Букинистических лавок на Фонтанке были десятки.

— Нужен другой подход, — спокойно сказала Катя. Она сидела в кресле-качалке с Арсением на руках. Малыш сосредоточенно грыз деревянный кубик. — Мы ищем не просто дом. Мы ищем людей.

Она достала из ящика комода приглашение, найденное в книге.

— Здесь сказано: «Предъявитель сего является действительным членом». Значит, были и другие члены. И у них тоже должны быть такие приглашения или печати в книгах.

Так родилась идея. Игорь, используя свои связи, как совладелец книжного магазина, начал осторожно наводить справки в кругах антикваров и букинистов. Он не спрашивал прямо о «Мнемозине». Он задавал безобидные вопросы: «Нет ли у вас книг из библиотеки Андрея Романова?», «Не попадались ли вам издания с необычными экслибрисами?».

Тем временем Катя решила действовать через свой книжный магазин «Слово». Она поместила в профиль магазина на онлайн-площадке для коллекционеров осторожное объявление: «Приобретаем редкие издания начала XX века, интересуют полные собрания сочинений и книги с владельческими знаками».

Первые недели прошли в томительном ожидании. Арсений рос, его «агу» сменилось первыми слогами, а от антикваров приходили лишь вежливые отказы или предложения купить обычные подшивки журнала «Нива».

А потом раздался звонок.

Это был не Игорь и не коллекционер. Звонил Фёдор Никитич, управдом.

— Екатерина Андреевна, — его голос в трубке звучал непривычно глухо и официально.
— Зайди-ка ко мне. Дело есть.

Катя спустилась к нему с замирающим сердцем. В каморке управдома пахло крепким чаем и табаком. Фёдор Никитич сидел за своим столом, заваленным квитанциями за коммуналку, но смотрел он не на них. Перед ним на чистой газете лежала одна-единственная книга — небольшой томик стихов Анненского в кожаном переплёте.

— Вот, — управдом подвинул книгу к Кате. — Сосед сверху, Пал Палыч, царствие ему небесное, помер на той неделе. Дочь его сегодня вещи разбирала, чтоб вывезти. Говорит: «Батя всё с этой книжкой носился, говорил, память это». Я глянул — а там знак внутри.

Катя осторожно открыла книгу. На форзаце, там, где обычно ставят экслибрисы, была нарисована та самая печать: раскрытая книга и женский профиль.

— Я вспомнил твой рассказ про тайник в подвале, — продолжал Фёдор Никитич, глядя куда-то в сторону. — И про общество это... Мнемозина вроде как. Думаю, тебе будет интересно.

Катя подняла на него глаза.

— Спасибо, Фёдор Никитич.

Управдом хмыкнул и махнул рукой.

— Да ладно... Ты мне лучше скажи, что вы там с Игорем затеяли? В палатке этой вашей? Что за книги такие важные?

Катя замаялась лишь на секунду. Она посмотрела на этого сурового человека, который ворчал на всех жильцов, но всегда первым чинил крышу и знал по имени всех детей во дворе.

— Это история нашего города, Фёдор Никитич. История людей, которые пытались её сохранить. И мы... мы просто продолжаем их дело.

Фёдор Никитич долго молчал. Потом тяжело поднялся со стула, подошёл к старому сейфу в углу комнаты и открыл его со скрежетом.

— На-ка вот... Держи.

Он протянул Кате маленький медный ключ на простом шнурке.

— От чердака вашего. Там перекрытие смотреть надо было ещё по весне... Да всё руки не доходили. Теперь дошли.

Катя взяла ключ. Он был тёплым от руки управдома.

— Спасибо вам огромное...

— Иди уже, — буркнул Фёдор Никитич и отвернулся к окну, делая вид, что его очень заинтересовал дворовый кот на дереве. — И скажи Игорю, чтоб за сводами следил, как следует!

Катя вышла из каморки с книгой Анненского и ключом от чердака. Она поднялась к себе и положила находку на стол рядом с картой и дневником Романова.

У них появилась первая настоящая нить за пределами их дома. Дочь Пал Палыча оставила телефон для связи по поводу вещей отца.

Глава 8. Наследство Пал Палыча

Дочь Пал Палыча, представившаяся по телефону как Елена Павловна, назначила встречу на следующий день. Голос у неё был уставший, с тихими, шелестящими нотками, словно осенний листопад. Она сказала лишь: «Приходите. Я буду разбирать его кабинет. Там... много всего».

Квартира Пал Палыча находилась в том же доме, но в другом крыле — в высоком подъезде с лифтом, который, казалось, помнил ещё дореволюционных жильцов. Катя поднялась на шестой этаж. Дверь была приоткрыта.

Елена Павловна оказалась миниатюрной женщиной лет пятидесяти, с такими же светлыми, как у отца, глазами, но потухшими и покрасневшими от недавних слёз. Она молча кивнула Кате и провела её вглубь квартиры.

Кабинет Пал Палыча был храмом тишины и порядка. Здесь пахло не пылью, а хорошим трубочным табаком и старой бумагой. В отличие от хаотичного чердака «Слова», здесь каждая вещь знала своё место. Идеальные ряды книг в шкафах из тёмного дуба, массивный письменный стол с зелёным сукном, на котором не было ни единой лишней пылинки.

— Вот, — Елена Павловна указала на стопку книг на краю стола. — Это то, что он читал в последний год. Сказал, что перечитывает. Я не трогала. А вот там, — она махнула рукой в сторону книжных шкафов, — его библиотека. Я не знаю, что с ней делать. Выбросить рука не поднимается, а кому это нужно сейчас?

Катя подошла к столу и взяла томик Анненского. Рядом лежали «Столп и утверждение истины» Флоренского и «Мир как воля и представление» Шопенгауэра.

— Он был философом? — тихо спросила Катя.

— Инженером-конструктором мостов, — с горькой усмешкой ответила Елена Павловна. — Но дома он был кем-то другим. Он всегда говорил: «Лена, настоящий мост строится не из бетона, а из смыслов». Я не понимала... А теперь вот... пытаюсь понять.

Она села в глубокое кожаное кресло и жестом предложила Кате присесть на стул напротив.

— Вы сказали по телефону про какой-то знак? Про общество?

Катя достала из сумки приглашение «Мнемозины» в файле.

— Мы нашли нечто похожее. И дневник человека по имени Андрей Романов.

Елена Павловна взяла файл трясущимися руками. Она долго смотрела на печать, а затем её лицо словно осветилось изнутри слабым светом воспоминания.

— «Мнемозина»... — прошептала она. — Он упоминал это слово. Давно. Я была ещё школьницей. Он тогда сказал мне: «Запомни, дочь. Память — это единственное убежище, которое нельзя конфисковать». Я думала, это просто красивая фраза о важности истории.

Она вернула файл Кате.

— Папа был очень закрытым человеком. После смерти мамы он ушёл в себя окончательно. Но я помню... У него был друг. Они встречались раз в месяц, иногда реже. Папа называл его «наш Архивариус». Они часами сидели здесь, пили чай и молчали или говорили о каких-то совершенно непонятных мне вещах.

— Как его звали? — подалась вперёд Катя.

— Я не знаю имени. Папа всегда говорил просто «он». Но я помню адрес. Однажды я случайно услышала их разговор через дверь. Папа сказал: «Если со мной что-то случится, ты знаешь, где найти Архивариуса». И назвал адрес.

Елена Павловна встала и подошла к секретеру у окна. Она выдвинула нижний ящик, который не был виден от входа.

— Я нашла это уже после... когда полиция уехала. Это лежало в конверте с надписью «Для Лены».

Она протянула Кате пожелтевший листок бумаги, сложенный вчетверо. На нём аккуратным инженерным почерком Пал Пальча был записан адрес: Сапёрный переулок, дом 10, квартира 13.

Внизу стояла приписка:

«Ключ под левым кашпо на лестничной клетке. Код от двери подъезда — год основания Санкт-Петербурга».

Катя сложила листок и спрятала его в карман.

— Елена Павловна... Вы не будете против, если я загляну в его библиотеку? Может быть... может быть, там есть ещё книги с таким знаком?

Женщина посмотрела на бесконечные ряды корешков за стеклом.

— Берите всё, что нужно. И эту стопку со стола тоже забирайте. Мне кажется... папа хотел бы, чтобы эти книги попали к тому, кто их понимает.

Катя сложила книги в свою сумку. Томик Анненского она оставила сверху.

— Спасибо вам.

Уже в дверях Елена Павловна окликнула её:

— Катя... А вы думаете, это общество ещё существует?

Катя остановилась. Вопрос повис в воздухе тяжёлой портьерой.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Но мы нашли только начало тропы. И мы пойдём по ней дальше.

Выйдя на лестничную клетку огромного старого дома, Катя вдохнула воздух полной грудью. У неё был адрес. Следующий шаг был ясен: Сапёрный переулок и таинственный Архивариус.

Но сначала нужно было вернуться домой и поделиться новостью с остальными.

Глава 9. Сапёрный переулочок и три чашки чая

Квартира номер сорок пять встретила Катю привычным уютом и запахом яблочного пирога. Серафима Павловна, как всегда, колдовала на кухне, откуда доносилось тихое позвякивание посуды. Из детской лилась нежная мелодия — Эльвира Генриховна играла на пианино что-то из Шопена, а Аглая Эдуардовна, сидя в своем любимом кресле у торшера, что-то сосредоточенно вязала. Это была картина абсолютного, нерушимого покоя.

Игорь был тоже тут. Он сидел за столом в гостиной, обложившись бумагами, но при звуке ключа в замке тут же поднял голову и улыбнулся.

— Как успехи? — спросил он, откладывая карандаш.

Вместо ответа Катя молча прошла в центр комнаты и с тяжелым, но приятным стуком опустила на пол туго набитую сумку с книгами. Звук был таким весомым, что Аглая Эдуардовна тут же отложила спицы и сняла очки.

— Катенька! Ты принесла нам трофеи? — с улыбкой спросила она.

— Не просто трофеи, — Катя присела на корточки и начала выкладывать книги на низкий журнальный столик. — Я принесла нам зацепку. Настоящую.

Серафима Павловна выглянула из кухни, вытирая руки о фартук.

— Что там у вас? Пирог стынет!

— Пирог подождет пять минут, Симочка! — властно, но с нескрываемым любопытством произнесла Аглая Эдуардовна. — Екатерина Андреевна явно что-то раскопала.

Катя достала из кармана сложенный вчетверо листок. Пока она рассказывала о визите к Елене Павловне, о кабинете Пал Палыча и его словах про «архивариуса», в гостиной воцарилась абсолютная тишина. Слушали все: Игорь подался вперед, облокотившись на колени; Серафима Павловна застыла в дверном проеме кухни; Эльвира Генриховна тихонько подошла и встала за спиной Аглаи Эдуардовны.

Когда Катя закончила и положила листок с адресом на стол, над ним склонились четыре головы.

— Сапёрный переулочок... — медленно прочитала Аглая Эдуардовна. — Это же совсем рядом. В двух шагах от нас.

— И код от подъезда... Год основания! — воскликнула Эльвира Генриховна. — Как романтично! И как... по-петербургски.

— А книги? — Игорь кивнул на стопку на столе. — Ты говорила про библиотеку.

Катя снова полезла в сумку и достала томик Анненского, который оставила напоследок.

— Вот. Это было на его столе. Елена Павловна сказала, что он перечитывал это в последний год. А в шкафах... я не стала рыться без спроса. Но она сама предложила мне забрать всё, что я сочту нужным. Сказала, отец хотел бы этого.

Серафима Павловна, наконец, ожила и засуетилась:

— Так! Раз такое дело — всем чай! И пирог! У нас есть что отметить!

Через минуту стол был накрыт. Пять чашек с дымящимся чаем стояли вокруг одной-единственной вещи — листка бумаги с адресом. Это был уже не просто адрес. Это был портал в другую реальность.

Аглая Эдуардовна взяла лупу и внимательно изучила записку.

— Почерк твёрдый. Инженерный. Он знал, что делал, оставляя это дочери. Он готовился передать эстафету.

— Эстафету? — Игорь хмыкнул. — Мы же не знаем, кто там живет. Может, это просто старый друг семьи?

— Старый друг семьи не получает инструкции «если со мной что-то случится», — строго возразила Аглая Эдуардовна. — Нет, Игорь. Пал Палыч был одним из них. И он указал нам путь к другому. Это звенья одной цепи.

Катя обвела взглядом всех присутствующих. В глазах бабушек горел тот самый исследовательский огонек, который она видела у Эльвиры Генриховны над картой. В глазах Игоря читалась смесь волнения и желания защитить свою семью от неизвестности.

— Мы пойдем? — тихо спросила она.

Ответ был очевиден. Он витал в воздухе вместе с ароматом ванили и корицы.

— Завтра же, — решительно сказала Аглая Эдуардовна. — Завтра мы нанесем визит этому Архивариусу. Но сначала... давайте посмотрим, что за книги «передал» нам Пал Палыч с того света.

Глава 10. Код от вечности

Утро выдалось на редкость петербургским: низкое, серое небо, казалось, опустилось на самые крыши, а с Фонтанки тянуло промозглой сыростью. Катя и Игорь, оставив спящего Арсения на попечение бдительных бабушек, вышли из дома. Они шли не как туристы, спешащие к достопримечательности, а как заговорщики, отправляющиеся на тайную миссию.

Сапёрный переулок встретил их тишиной. Это была одна из тех неочевидных артерий города, куда редко забредают случайные прохожие. Здесь не было шумных баров или дорогих бутиков. Здесь время текло медленнее, цепляясь за выщербленную брусчатку и стены домов, помнившие ещё керосиновые фонари.

Они остановились у дома номер десять. Это был массивный доходный дом в стиле модерн, с тяжелым парадным входом и массивными дубовыми дверями. Рядом с дверью на стене висела панель домофона — неуместный и чужеродный элемент в этом застывшем во времени пейзаже.

Катя посмотрела на записку в руке Игоря, затем на панель.

— Год основания... Тысяча семьсот... какой-то год.

— Тысяча семьсот третий, — тихо сказал Игорь. — Санкт-Петербург был основан в тысяча семьсот третьем году.

Он подошел к панели и набрал код: 1-7-0-3. В динамике что-то тихо пискнуло, и замок на двери издал громкий, оглушительный в утренней тишине щелчок.

Они переглянулись. Дверь была открыта. Код сработал.

Внутри парадная оказалась именно такой, какой и должна была быть: монументальной и немного угрюмой. Широкая лестница с чугунными перилами уходила вверх, в полумрак. Пахло кошками, мастикой для паркета и той самой вековой пылью, которая есть только в старых петербургских домах.

Они начали подниматься. Лестничные пролёты были огромными, и шаги гулким эхом отражались от высоких сводов. На каждой площадке было по три квартиры. Они миновали второй этаж, третий...

На площадке шестого этажа Катя остановилась. Сердце колотилось где-то в горле. Дверь квартиры номер тринадцать была прямо перед ними. Обычная, крашеная темно-коричневой краской дверь с латунной цифрой «13» и старомодным механическим звонком-кнопкой.

Ни коврика с надписью «Welcome», ни глазка. Ничего.

Игорь посмотрел на Катю. Она глубоко вздохнула, подняла руку и нажала на кнопку.

Внутри квартиры раздался звонок — резкий, дребезжащий звук, который, казалось, длился целую вечность. Они ждали. Тридцать секунд. Минута. Полторы.

Никто не открывал.

— Может, его нет дома? — прошептал Игорь.

— Или он очень-очень долго идёт к двери, — так же тихо ответила Катя.

Они уже собирались уходить, решив, что попытка не удалась, как вдруг с той стороны двери послышался звук. Это был не звук шагов. Это был долгий, протяжный скрип, словно кто-то с огромным трудом отодвигал тяжелый засов или тянул на себя неподатливую дверь кладовой.

Замок щелкнул дважды.

Дверь приоткрылась на ширину дверной цепочки. В образовавшейся щели было темно, но Катя почувствовала на себе чей-то взгляд — внимательный, изучающий и очень-очень старый.

— Кто там? — голос был тихим, надтреснутым, похожим на шелест сухих листьев. Говорил старик.

Катя сглотнула, собираясь с духом.

— Здравствуйте... Мы Катя и Игорь... нас послал Пал Палыч. То есть... его дочь Елена Павловна. Она сказала... он сказал нам найти вас. Архивариуса.

Тишина в ответ. Только этот взгляд из темноты.

Затем раздался звук снимаемой цепочки. Дверь открылась шире.

В дверном проеме стоял старик. Он был невероятно высок и чудовищно худ, словно его годами не касался солнечный свет. Одет он был в старом, потертом бархатном халате винного цвета. Но самым поразительным было его лицо: абсолютно гладкое, без единой морщины, оно казалось маской из пожелтевшего фарфора. И только глаза — живые, пронзительно-голубые — смотрели на них с пугающей ясностью.

Он не пригласил их войти словами. Он просто сделал шаг назад, в темноту квартиры, оставляя дверь открытой настежь.

Это было приглашение.

Глава 11. Квартира-мавзолей

Переступив порог, Катя и Игорь словно шагнули не в другую комнату, а в другую эпоху. Или, точнее, в безвременье. Воздух здесь был неподвижным, сухим и пах не пылью, как в архиве, а старой бумагой, сургучом, сухим деревом и чем-то неуловимо сладким, похожим на увядшие розы.

В квартире не было прихожей в привычном понимании. Входная дверь открывалась прямо в огромный зал, который, казалось, занимал всё пространство этажа. Здесь не было ни одной современной вещи. Никакого пластика, ламината, ярких красок. Только темное дерево, латунь, тусклая позолота и бархат цвета запекшейся крови.

Единственным источником света служило одно-единственное стрельчатое окно в дальнем конце зала, выходящее во двор-колодец. Свет, пробивавшийся сквозь него, был тусклым и серым, но Архивариус щелкнул выключателем у двери, и комнату залил мягкий, теплый свет от десятков ламп под абажурами из темного стекла.

И тогда они увидели это.

Стены от пола до потолка были закрыты стеллажами. Но это были не современные шкафы из мебельного магазина. Это были массивные, дубовые конструкции, сделанные на века. Каждая полка была плотно заставлена книгами. Тысячи корешков — кожаных, коленкорových, картонных — сливались в сплошное темное полотно. Здесь не было ни пылинки. В воздухе стоял едва уловимый запах полироли.

Архивариус молча наблюдал за их реакцией. Он не закрыл за ними дверь. Он просто стоял, высокий и прямой, как восклицательный знак, и ждал.

— Проходите, — наконец проскрипел он. Его голос здесь, в этой гулкой тишине, звучал еще более надтреснуто. — Не стойте на сквозняке.

Он медленно прошел вглубь комнаты, к центру зала, где стоял массивный письменный стол на львиных лапах. Катя и Игорь двинулись за ним, словно замороженные. Их шаги по паркету казались оглушительно громкими.

В центре зала стоял еще один предмет мебели, который они не заметили сразу — глубокое кожаное кресло с высокой спинкой. Рядом с ним на столике лежала открытая книга и стояла чашка с недопитым чаем, от которой все еще шел легкий пар.

— Садитесь, — Архивариус указал на два стула с высокими спинками, стоявших перед его столом.

Катя и Игорь сели. Кресло хозяина дома осталось пустым. Сам он остался стоять.

— Пал Палыч... — начал Игорь.

— Я знаю о Пал Палыче, — оборвал его старик. Его фарфоровое лицо оставалось неподвижным, только глаза медленно скользили по их лицам. — Он был Хранителем Западного крыла. Надежный человек. Инженерная точность ума... Я получил сигнал вчера.

— Сигнал? — переспросила Катя.

— Когда вы открыли дверь моим ключом. Система оповещения работает безотказно уже сотню лет.

Он обошел стол и, наконец, опустился в свое кресло. Движение было плавным, но в нем чувствовалась скрытая боль или невероятная усталость.

— Вы принесли то, что вам передали? — спросил он.

Катя молча достала из сумки томик Анненского и положила его на край стола.

Архивариус даже не взглянул на книгу.

— Это лишь ключ к двери. А мне нужно увидеть приглашение.

Катя замерла. Она посмотрела на Игоря, потом снова на старика.

— Какое... приглашение?

Фарфоровое лицо Архивариуса впервые дрогнуло — уголок тонких губ едва заметно изогнулся в подобии улыбки.

— Неужели вы думали, что Пал Палыч просто так отдал бы вам адрес? И что код от подъезда сработал бы для любого прохожего? — Он покачал головой. — Нет. Он передал вам нечто большее. Печать «Мнемозины». Знак того, что вы — наследники.

Катя медленно полезла во внутренний карман своей куртки и достала прозрачный файл с приглашением, которое они нашли в книге из подвала.

Архивариус взял его двумя пальцами так осторожно, словно это была бабочка редчайшего вида. Он поднес бумагу к свету настольной лампы и долго изучал печать и подпись Романа.

Затем он поднял на них свои пронзительные глаза.

— Что ж... Добро пожаловать в Орден Памяти, Екатерина и Игорь... Простите, не знаю вашего отчества.

— Просто Игорь.

— Добро пожаловать, Игорь. Вы нашли путь к нам в очень... беспокойное время.

Он положил приглашение на стол перед собой.

— Но прежде чем мы продолжим... Я должен знать: вы понимаете, во что ввязываетесь? Хранительство — это не приключение из книжек. Это бремя. Тишина. Ответственность за то, что нельзя доверить времени и забвению.

В комнате повисла тяжелая пауза. За окном во дворе каркнула ворона, и этот звук показался оглушительным.

Катя посмотрела на Игоря. В его взгляде она увидела ту же решимость, что чувствовала сама.

— Мы понимаем больше, чем вы думаете, — твердо сказала она, крепче сжимая руку мужа под столом. — Мы уже несем это бремя.

Архивариус долго смотрел на них молча. А потом медленно кивнул.

— Что ж... В таком случае... — Он нажал на скрытую кнопку под столешницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.